

Глава 4

Неожиданно не прошло и месяца, как Чжан Пин на самом деле совершил убийство. Лан Цзюэ был ошеломлен. Он решил разузнать, как это произошло.

Лю Дань тоже не сильно много знал по поводу этой ситуации, поэтому он лишь сказал несколько слов об орудии убийства и о том, что никто не знал, выживет человек, на которого совершилось нападение, или нет. Если он все-таки умрет, значит эта ситуация действительно станет делом об убийстве.

Услышав это, Лан Цзюэ пошел ко входу в зал Цчжэн. Ван Янь, помощник с министра юстиции, поприветствовал Лан Цзюэ:

«Министр Лан, какой неожиданный гость. У вас есть какие-то важные дела, раз вы решили прийти сюда?».

Лан Цзюэ ответил:

«Что еще может быть, как не наградить Лю Чжи-Хуэй? Министерство по назначениям заявило, что после того, как Министерство доходов вернуло файлы, оно передало полномочия Министерства юстиции за консультации Министерству по делам обрядов США. Хотя это формальный вопрос, если бы я послал для этого простого чиновника-законника, могло бы показаться, что я пренебрегаю министром Лю. Поэтому я приехал сюда лично. Я должен побудить брата Мо Вэня открыть для меня файлы».

Согласно правовому прецеденту династии Юн, если министр должен был получать поощрения за продвижение по службе, его биография и история должны были быть проверены. Недавно член Имперского Секретариата по имени Лю Чжи-Хуэй был повышен до заместителя главы Имперского Цензората и получил несколько наград. Документы, описывающие предлагаемое продвижение по службе и награды, сначала были переданы Министерству по назначениям и Министерству обрядов. Они несли ответственность за то, чтобы министр Лю был невиновен во всех преступлениях и не был потомком преступника, который обманом явился в суд. Только после полной проверки он мог получить формальное повышение.

Лан Цзюэ чувствовал, что в этом правиле нет необходимости. Эти все вещи можно было проверять всего раз, когда человек впервые получал звание или повышение по службе. Зачем им приходилось проводить проверку каждый раз, когда кто-то получал повышение? В конце концов, это превратилось в формальность.

Ван Янь с улыбкой сказал:

«Я так и думал, но чтобы быть министром того же ранга, желающим исследовать отчеты Министерства юстиции, вам требуется письменное одобрение главного министра. Я не могу открывать файлы неавторизованным образом. Еще и так случилось, что наш министр Тао занимается делом об убийстве, поэтому я боюсь, что вам придется подождать, пока он закончит суд».

Как только он закончил говорить, снаружи зазвучали барабанные дробы донг-дон. Ван Янь подмигнул:

«Послушайте, наш главный министр скоро получит повышение. Это будет серьезное испытание. У меня здесь свежесваренный чай, можете посидеть здесь, попить его и подождать меня. Мне нужно отойти на минутку. Поскольку министр Тао занимается этим

делом, мы должны слушать и извлекать уроки из стороны».

Лан Цзюэ улыбнулся в своем сердце. Главным министром министерства юстиции был ученик своего тестя Лю Сяня, честный и порядочный служитель с тёплым и немного педантичным характером. Если бы его поместили в Министерство доходов или в Академию Ханьлинь с его мягким характером и склонностью к сглаживанию, он определенно был бы отличным министром. Но, к сожалению, он случайно оказался главным министром Министерства юстиции.

Было сказано, что министр Тао стал главным министром министерства юстиции, потому что это было последнее желание Лю Сяня перед его смертью. Лан Цзюэ подозревал, что его свекор не смог выговорить свои слова с достаточной ясностью перед смертью, из-за чего все ошиблись. В то время бывший император тоже был неизлечимо болен, поэтому дрожащей рукой утвердил и назначил Тао Чжоуфэна главным министром Министерства юстиции.

За эти несколько лет в Министерстве юстиции уменьшилось количество трагических случаев. Однажды в своем мемориале престола министр Тао весело написал: «Недавно было рассмотрено еще одно дело, касающееся спора о праве на первородство». Он использовал слова Императора, и, благодаря доброте и убеждению бывшего и нынешнего Императора, преступник пролил слезы сожаления. В этой процветающей династии можно было увидеть, что даже кровожадных людей можно научить делать добро.

В то время Император еще не был у власти. После того, как принцы Хуай и Юньтан подождали, пока несколько вспомогательных министров прочитают этот мемориал, они отправили его Императору и вместе с главой Секретариата официально ответили от его имени:

« Кто виноват и каков приговор?».

Министр Тао ответил:

«Преступник признал себя виновным до начала судебного разбирательства. Он младший сын покойного. История его жизни неясна, и его разум был захвачен демонами, вынуждая совершать злые дела - поистине жалкого человека».

Вскоре мемориал был раскрашен яркой киноварью. Увы, он совершил чудовищное и непростительное преступление, убив своего отца, поэтому здесь был один приговор - обезглавить!

Министр Тао со слезами на глазах приговорил убийцу отца к смерти. Вскоре после этого он написал письмо, в котором просил императора разрешить ему посадить плакучую иву и хризантемы за пределами тюрьмы, чтобы гнусный преступник мог слышать звук падающего дождя и пение птиц. Он также хотел выгравировать и распространить небольшие буклеты с советами о доброжелательности среди преступников в тюрьме, чтобы просветить их.

Принцам Хуаю и Юньтану не нравилось все это, но им приходилось терпеть, так как никто из них не хотел нарушать последнее желание бывшего императора и великого наставника Лю. Поэтому, стиснув зубы, они ожидали, когда Император наконец возьмет власть и разберется с ним.

Министр Тао замечал презрительные взгляды в свою сторону, поэтому в течение следующих дней после прихода Императора к власти, он полностью погрузился в рабочие вопросы. В каждом случае он лично присутствовал на судебных процессах, позволяя более мелким чиновникам наблюдать за деталями и принимать окончательные решения за него.

Более мелкие чиновники из Министерства юстиции прозвали мистера Тао «Благотворительным Тао». Ван Яню приходилось выслушивать бесконечные жалобы своего отца Ван Циня на Тао Чжоуфэна, поэтому он не испытывал к нему особого уважения.

Лан Цзюэ сказал:

«Когда я подходил сюда, то увидел, что констебль арестовал двух ученых. Будет ли открыто дело на этих людей?».

Ван Янь приподнял бровь и ответил:

«Если вы хотите послушать, я могу взять вас с собой. Это дело не имеет отношение к суду, так что все будет в порядке. Министра Тао это не беспокоит. И, поскольку эти двое действительно подходят для предварительных экзаменов, вам все равно будет полезно их послушать».

Лан Цзюэ улыбнулся:

«Хорошо, я пойду с вами. Я работаю служителем уже столько лет, но, понимаю, что многого еще не видел».

Ван Янь провел его через маленькую боковую дверь в большой зал Министерства юстиции. Суд уже начался. Лан Цзюэ стоял за ширмой, только видя, как министр Тао расспрашивает задержанных:

«Вы двое читали литературу Императора, и при этом осмелились совершить такое преступление?».

Чэнь Чуо дрожал и плакал:

«С нами поступили несправедливо! Прошлой ночью мы спали дома. Мы никуда не ходили, а тем более, не убивали мистера Цзиня».

Министр Тао вздохнул:

«Если это сделали не вы, то почему жена Цзинь уверена в обратном?»

Чэнь Чуо ответил громко:

«То, что она сказала, что это мы, не означает, что мы действительно это сделали. Пожалуйста, исследуйте этот вопрос. Это действительно были не мы!».

Министр Тао сказал:

«Подозреваемый, который говорит - тебя зовут Чэнь Чуо? Жена Цзинь сказала, что это действительно сделали не вы. Она считает, что настоящим вдохновителем был Чжан Пин, а вы, скорее всего, были просто сообщником».

Чэнь Чуо задрожал:

«Этот студент не сообщник! Чжан Пин не является вдохновителем! Мы оба спали дома прошлой ночью, как мы могли отправиться на запад столицы, чтобы убить лорда Цзиня?».

Министр Тао снова вздохнул:

«Вы говорите, что оба спали дома. Вы спите в одной или двух комнатах? Если это одна комната, то вы спите на одной или двух кроватях? Если это одна кровать, то кто спит на внутренней стороне, а кто спит на внешней? Можете ли вы доказать, что, если вы вышли, он проснулся, а если он вышел, вы проснулись?».

Чэнь Чуо ответил:

«Один из нас спит в Западной палате, а другой спит в Восточной палате. У семьи снаружи есть собака. Когда она слышит шум шагов, то начинает громко лаять. Прошлой ночью она не гавкала. Думаю, хозяин дома это может подтвердить».

Министр Тао на мгновение задумался:

«Лаяла собака или нет, я, естественно, расспрошу об этом...»

Стоящий в стороне чиновник тайно прошептал несколько слов писцу, который после прошептал несколько слов министру Тао.

Подумав, министр Тао сказал:

«Даже если собака не лаяла, это не является доказательством. Есть наркотики, которые можно подсыпать собаке в корм. Собака, в итоге засыпает и не лает».

И снова писец прошептал несколько слов министру Тао на ухо, и он сказал:

«Это лекарство могло быть использовано сначала на человеке, а затем на собаке. Другими словами, вы можете спать, а он может бодрствовать, и наоборот».

Чэнь Чуо внезапно забеспокоился:

«Всеми нужны доказательства. Какие у вас есть факты, которые могут доказать, что этот Чжан Пин дал кому-то наркотики?».

Министр Тао на мгновение помолчал, прежде чем ответить:

«Нет никаких доказательств того, что у вас их нет».

Лан Цзюэ чуть не рассмеялся за ширмой.

Писец закашлялся и вмешался:

«Учитель, сейчас лучше позвонить Жене Цзинь».

Министр Тао медленно хлопнул молотком:

«Звонок жене Цзинь».

Лан Цзюэ выглянул в щель, чтобы взглянуть на этого Чжан Пина, и увидел, что он стоит там, неподвижный и молчаливый, с опущенной головой.

Лан Цзюэ не мог не думать в своем сердце ...